

НИЖЕГОРОДСКІЙ ТЕАТРЪ

ВЪ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

II *).

Слѣдующій послѣ юбилейнаго сезона 1898—1899 г., начавшій первое десятилѣтіе новаго зѣрка, принесъ нѣкоторое разочарованіе.

Труппа была обновлена, но съ большимъ минусомъ—выбыли изъ нея режиссеръ г. Боуръ, г-жа Журавлева, В. П. Далматовъ, Діевскій и нѣкоторые другіе. Ихъ замѣнили новыя для здѣшняго города лица и, если бы не были свѣжи впечатлѣнія предшествовавшаго сезона, могли бы, можетъ быть, съ успѣхомъ нести репертуаръ. Но сравненія напрашивались невольны и онѣ были не въ пользу театра.

Сезонъ открылся 14-го сентября сумбатовскими „Цѣпями“. Пьеса шла показнымъ спектаклемъ—почти все главные персонажи труппы—г-жи Саблѣва, Дольская, Андросова, Дольская выступили на открытіи театра, но впечатлѣніе получилось нѣкоторой разочарованности.

Мало помогъ въ этомъ отношеніи выступившій въ слѣдующемъ спектаклѣ артистъ Императорскихъ театровъ г. Тройницкій. Театральная толпа всегда остается толпой, съ своими особыми взглядами на искусство.

— А кто вмѣсто Далматова?

На этотъ вопросъ она старалась найти отвѣтъ въ приглашеніи того или другого артиста и въ концѣ-концовъ должна была сознаться, что Далматовъ не замѣненъ никѣмъ равнымъ: какъ будто актеръ—это какой-то удѣльный вѣсъ, который можно свободно пополнить, довести до известной нормы.

Послѣ перваго же спектакля обнаружилось охлажденіе къ театру—сборы какъ-то сразу ослабли.

Пошли неудачи. Приглашенный въ труппу артистъ г. Лавровскій заболѣлъ. Убыль одного актера на первыя роли въ провинціальной труппѣ, не богатой дублерами, всегда вызываетъ вредныя для дѣла переставки.

новки. Пришлось усиленно занимать въ спектакляхъ г. Тройницкаго, но такъ какъ онъ, по свойству своего дарованія, не представлялъ изъ себя универсальнаго артиста, какъ Далматовъ, который можетъ играть Гамлета, Каина и съ одинаковымъ успѣхомъ ловеласа мужа въ „Шпилькахъ и сплетняхъ“,—то получалось еще болѣе невыгодное положеніе для новой труппы.

Пьесы разыгрывались вяло, безъ оживленія.

Репертуаръ сталъ дѣлать скачки отъ историческихъ пьесъ къ фарсамъ и отъ новыхъ къ едва ли не самымъ старѣйшимъ. Воскресли даже „Льва Гурича Синичкина“. Пестрота была поразительная: „Контролеръ спальныхъ вагоновъ“, „Теща“, „Соломонія и Елена“, „Золотая Ева“, „Безъ вины виноваты“, „Русскія пѣсни въ лицахъ“, „Тысяча и одна ночь“, „Коромыслова башня“, „Борьба за существованіе“, классическія пьесы (хотя составлявшія на этотъ разъ единичное явленіе въ репертуарѣ) и т. д.

Поставили первый разъ въ концѣ 1898 г. на нижегородской сценѣ чеховскаго „Дядю Ваню“, но неудачно.

Большинство публики не поняло пьесу, такъ какъ постановка спектакля въ режиссерскомъ отношеніи оставляла желать очень многого.

Выступилъ на драматическое поприще директоръ театра г. Соболюшковъ-Самаринъ, написавшій „Древнюю Москву“ по роману Лажечникова. Какъ зрѣлище, пьеса выдержала нѣсколько представленій.

Въ ноябрѣ въ театрѣ отпразднованъ 70-ти лѣтній юбилей со дня рожденія Л. Н. Толстого. Празднество нѣсколько оживило сцену.

Такіе спектакли—оазисы были не часты и лишь во второй половинѣ сезона зрительный залъ нѣсколько оживился.—улучшились сборы и постановка пьесъ.

На послѣднихъ недѣляхъ режиссеръ далъ два хорошихъ спектакля—„Потонувшій Колоколь“ Гауптмана и юбилейный (по случаю столѣтняго юбилея со дня рожденія) Пушкинскій:

оба они выдержали нѣсколько полныхъ представленій и напомнили хорошее время здѣшной сцены.

Сезонъ закончился въ концѣ февраля и матеріальные результаты его очень понизились, сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ—до 40.000 рублей.

Закончившійся годъ внесъ крупную размолвку въ отношенія между антрепризой г. Соболющикова-Самарина и городскимъ общественнымъ управленіемъ. Дѣло вышло, кажется, изъ-за простого самолюбія.

Городская управа сдѣлала рядъ публикацій объ окончаніи въ 1899 г. срока аренды зданія нижегородскаго театра, съ цѣлью вызвать желающихъ взять театръ на будущее время. Предварительно она не вошла ни въ какіе переговоры съ старымъ арендаторомъ и публикаціи о вызовѣ новыхъ предпринимателей г. Соболюшковъ-Самаринъ принялъ за вызовъ.

Онъ все-таки считалъ за собой немалую заслугу, поднявъ нижегородскую сцену, можно сказать, изъ праха паденія послѣ В. С. Волгина на ступень лучшихъ театровъ въ поволжской провинціи.

Дѣятельность свою въ здѣшнемъ городѣ антрепренеръ считалъ законченною и предоставилъ управѣ найти новаго антрепренера, отказавшись подать заявленіе о желаніи дальнѣйшаго веденія дѣла.

Театральный вопросъ повисъ въ воздухѣ, тѣмъ болѣе, что поставленъ былъ общественнымъ управленіемъ съ обычной медленностью—разрѣшеніе его затянули до конца сезона, когда всѣ болѣе или менѣе видныя антрепренеры уже заручились театрами и сформировали труппы.

О сдачѣ театра дума разсуждала уже въ великомъ постѣ.

Городское управленіе впервые проявило, хотя и подъ маской сочувствія, плохо скрытую наклонность хозяина въ эксплуатаціи театрального зданія: рѣшено было измѣнить условія аренды.

Г. Соболюшковъ-Самаринъ держалъ антрепризу на такихъ условіяхъ: уплачивая аренду 10.000 рублей въ годъ, онъ не зналъ никакихъ рас-

* Продолженіе. См. № 6 „Волгара“.

ходовъ, ни ремонта, ни очистки, ни страховки, ни отопленія, ни даже электрическаго освѣщенія, за которое въ то время городъ платилъ изъ своихъ средствъ до 7,000 рублей въ годъ (время было съ широкими размахами). Единственное обязательство возложено было на него—дать городу за три года декораций на 7,000 рублей, но цифра такихъ расходовъ довольно проблематична.

Для новой антрепризы городская управа создала новыя обязательства.

Она предложила, въ интересахъ якобы развитія театральнаго дѣла, уничтожить всякую аренду за театр и сдавать его бесплатно, оставивъ на арендаторѣ только... освѣщеніе и обязательство уплачивать въ доходъ города 10% съ валового сбора драматическихъ спектаклей и 5%—съ оперныхъ.

Всѣ остальные расходы, и нужно добавить—доходы, какъ-то: отъ вѣшалокъ и буфета, предлагалось оставить за городскимъ управленіемъ.

Такимъ образомъ, антреприза должна была косвенно уплачивать за „бесплатный“ театр не менѣе 8,000 руб. въ годъ (освѣщеніе и % отчисленія), лишившись дохода за буфетъ и вѣшалки почти въ той же суммѣ.

Напрасно нѣкоторые члены возражали, что нельзя городу извлекать доходъ отъ театра, что послѣдній, какъ школа, долженъ пользоваться даже субсидіей отъ города, что справедливѣе было бы отдать театр дѣйствительно бесплатно, возложивъ на антрепризу лишь всѣ текущія расходы по содержанию зданія,—дума большинствомъ голосовъ все-таки приняла—„новыя льготныя условія, выработанныя управой“.

Предпринимателей нашлось въ то время не много. Въ управу прислали письма о желаніи арендовать театр 8 лицъ: М. М. Бородай, Левицкій, Струйскій, Аяровъ, г-жа Малиновская, Никитинъ, Линтваревъ и г. Васильевъ.

Курьезно, что послѣдній при этомъ заявлялъ о необходимости скрыть свое дѣйствительное артистическое имя, такъ какъ у него—„очень много враговъ“. Такъ это имя и оста-

лось до сихъ поръ неизвѣстнымъ.

Двое антрепренеровъ прїѣзжали сюда лично—г. Левицкій и Струйскій, послѣдній поспѣшилъ даже внести впередъ залогъ въ пять тысячъ рублей. Но дума польщена была предложеніемъ г. Бородай, державшаго въ ту пору казанскій и саратовскій театры съ очень хорошей, установившейся репутаціей дѣльнаго и добросовѣстнаго антрепренера.

Г. Бородай шелъ на встрѣчу желанію города и горожанъ: онъ обязывался давать по полусезонно драму и оперу, т. е. то, чего не могъ предложить ни одинъ изъ его конкурентовъ.

Единственную „поправку“ вносилъ онъ въ условіе аренды—электрическое освѣщеніе долженъ былъ взять на себя городъ, процентное же отчисленіе понизить для драмы съ 10 до 5%.

Управа „выбрала“ изъ всѣхъ антрепренеровъ троихъ—Бородай, Струйскаго и Малиновскую, объ остальныхъ даже не доложила думѣ, признавъ ихъ заявленія не имѣющими серьезнаго значенія.

Не долго разсуждала дума и рѣшила принести „жертву“ на алтарь театральнаго искусства—приняла на счетъ города электрическое освѣщеніе театра и понизила до 5% отчисленіе съ валового сбора.

Выборъ антрепренера предоставленъ былъ управѣ и послѣдняя въ тотъ же вечеръ телеграфировала г. Бородаю о согласіи сдать ему нижегородскій театр на предложенныхъ имъ условіяхъ.

Надежды горожанъ, что театральнѣйшій вопросъ разрѣшился, были напрасны.

Прошелъ день, нѣсколько дней, новый антрепренеръ не подавалъ никакихъ вѣстей и самъ не являлся въ Нижній, куда его настойчиво приглашала городская управа.

Въ это время въ театрѣ шли коршевскіе спектакли. Труппу привезъ тогда режиссеръ Корша С. А. Корсиковъ-Андреевъ, тотъ самый злой геній нижегородскаго театра, который довелъ послѣдній въ 1890 г. до паденія и актеровъ до нищеты. Труп-

па, особенно послѣ не совсѣмъ удачнаго сезона, правилась—въ ней были г-жи Азогарова, Ильнарская, Свѣтловъ, Яковлевъ и другіе первые персонажи коршевской труппы.

Какой-то, должно-быть большой недругъ здѣшней сцены подалъ г. Корсикову-Андрееву несчастную мысль—попробовать еще разъ наложить свою руку на нижегородскій театр.

Было ясно, что Бородай затягиваетъ дѣло. Онъ даже не далъ категорическаго согласія на аренду театра, обѣщая прислать опредѣленный отвѣтъ только на Пасхѣ.

Театръ рѣшили снять г. Корсиковъ-Андреевъ и г-жа Азогарова, снять только для драмы, причемъ говорилось за кулисами сцены, что въ составъ труппы войдутъ нѣкоторые лучшіе артисты коршевскаго театра. Называли даже Свѣтлова и Яковлева.

— А прежняя антреприза Корсикова-Андреева?..

Увы, въ управѣ,—въ этой рѣшительницѣ судебъ театральнаго искусства,—архивовъ о театрѣ не хранится, а старое очень скоро забывается!

Имя г-жи Азогаровой и мечтанія о перенесеніи коршевскаго театра въ Н.-Новгородъ, да еще въ связи съ обидой отъ вѣроломства Бородай, такъ грубо обманувшаго городъ, рѣшили все: театръ сданъ былъ новымъ предпринимателямъ, на выработанныхъ новыхъ условіяхъ. Такъ какъ оперы въ контрактъ не было, то городъ снова снялъ съ себя расходы на освѣщеніе.

Театръ вступилъ на путь новыхъ мытарствъ...

Маленькая, но характерная страничка изъ жизни театра.

Нельзя не отмѣтить, что даже въ сезонъ 1899 г., отдѣляющійся отъ нашего времени менѣе, чѣмъ десятью годами, для постановки спектаклей въ великомъ постѣ приходилось прибѣгать къ довольно странному обходу закона.

По газетамъ, афишамъ и репертуару спектаклей въ великомъ постѣ не было.

Въ театрѣ коршевская труппа давала рядъ литературныхъ вечеровъ и

хотя они въ сущности были самыми обыкновенными спектаклями, но театръ долженъ былъ отречься отъ такихъ, какъ отъ дьявола.

Такой порядокъ продолжался въ здѣшнемъ городѣ нѣсколько лѣтъ.

Начался онъ при бывшемъ губернаторѣ Н. М. Барановѣ, который при многихъ своихъ странностяхъ и своеобразныхъ взглядахъ на задачи и права администраціи, добродушно относился къ театру.

Онъ чуть ли не первый изъ губернаторовъ разрѣшилъ подъ видомъ литературныхъ великопостныхъ вечеровъ спектакли и не хотѣлъ замѣчать послѣднихъ.

Часто бывалъ на этихъ „вечерахъ“ и, кажется, гордился, что сумѣлъ отмѣнить законъ, противъ котораго долгіе годы напрасно боролись города, театры, вся актерская братія. Кстати сказать, отмѣна законовъ для него не было рѣдкостью. Извѣстно, что при Барановѣ нижегородская губернія часто управлялась законами своего собственнаго изданія.

Находились періодическіе органы печати и (не могу утверждать, но помнится, что это было такъ) даже кое-кто изъ лицъ, близко стоящихъ къ театру, которые указывали на Н.-Новгородъ, какъ на городъ, гдѣ—„вопреки закону идутъ въ постѣ спектакли“.

Не обращалось ли на доносы вниманія въ сферахъ, или Барановъ пользуясь своимъ положеніемъ въ послѣднихъ, отписывался благополучно, не знаю, но только указаннымъ навѣты не имѣли никакого дѣйствія.

Великопостные спектакли шли своимъ чередомъ.

Такъ какъ здѣшній театръ имѣлъ на нихъ своего рода монополию, то великопостные сезоны того времени были самыми интересными для нижегородской сцены—сюда съѣзжались лучшіе артисты столичныхъ и провинціальнѣйшихъ театровъ.

Въ общемъ ограниченіи театровъ Н.-Новгородъ находилъ для себя добро.

(Продолженіе будетъ).

Театраль.

НИЖЕГОРОДСКІЙ ТЕАТРЪ

ВЪ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

Ш*).

Сезонъ С. А. Корсикова-Андреева 1899—1900 г. начался помпезно, съ легкомысленной вѣрой въ будущее.

Къ 5-му сентября собралась почти вся труппа. Отслужили на сценѣ молебень, устроили завтракъ. Новый антрепренеръ говорилъ спичъ въ честь... человека!

— Театръ,—сказалъ онъ очень не новую истину,—есть та сфера, гдѣ безъ таланта, развитія, любви къ искусству и безъ продолжительной практики актеру обойтись нельзя, гдѣ часто и матеріальное положеніе труппы зависитъ отъ художественныхъ и нравственныхъ достоинствъ ея членовъ.

Даже художественно-нравственныхъ!

— По моему мнѣнію, продолжалъ увлеченный антрепренеръ, для артистовъ и лицъ, вступающихъ въ эту среду, мало одного сознательнаго отношенія къ своему служенію, мало даже одного таланта съ практической подготовкой—надо артисту, стоящему у всѣхъ на виду и вліяющему на массу, быть человекомъ.

Представитель города г. Богоявленскій шилъ за успѣхъ новаго дѣла. Торжество было изъ торжествъ.

Нужно отдать должное: труппа собрана была большая. Г-жи Азогарова, Терехова, ingenue dramatique, Лидина, бывшая артистка Александринской сцены Глинская, Суревичъ, Микульская, Марченко, гг. Петровъ-Краевскій, Петросьянъ, Д. Ф. Смирновъ, Бѣляевъ, Нерадовскій, Орловъ-Семашко, Разсудовъ, Сверчковъ, Вечесловъ и за ними еще рядъ артистовъ на вторыя роли.

Труппа состояла въ общемъ изъ 34 лицъ.

Сезонъ открыть „Горемъ отъ ума“ и, нужно сказать, очень удачно. И выборъ пьесы, и исполненіе предвѣ-

щало хорошіе дни, особенно послѣ мало удовлетворительнаго пдшествовавшего сезона.

Второй спектакль еще боже углубилъ такое впечатлѣніе. Начался репертуаръ г-жи Азогаровой „Норой“ она привела театральнѣйшій за восторгъ. Нижегородская сцена напоминала о столицѣ—артистки въ дарованіемъ г-жи Азогаровой тамъ рѣдки.

Повидимому, все благопріятствовало новой антрепризѣ, но не надо.

Репертуаръ, за нѣкоторыми исключеніями, держался хорошей—стались пьесы Гауптмана, Гоголя, Островскаго, Мольера, Потапенко, Зудева, Шиллера, Шекспира, Шницлера нѣсколько пьесъ Ибсена, Грибоѣдов-Ростана, В. Гюго и др. Проскальзывало влеченіе къ легкому коршевскому жанру, была попытка ставить фант., но результаты получились неудачны и въ матеріальномъ отношеніи и въ смыслѣ удовлетворенія публики.

Недолго удержалась антреприза твердой почвѣ.

Большая труппа, вызывавшая болшіе расходы, въ связи съ отсутствіемъ запаснаго капитала и полнонеумѣніе вести дѣло, заставили дирекцію искать новыхъ путей для поднятія сборовъ. На паденіе послѣднихъ передъ Рождествомъ очень повлияла также болѣзнь г-жи Азогаровой. Надо было пополнять кассу...

И началось...

Шелъ фарсъ „Графъ ди-Спондола“—ужасная испанская чепуха. Откуда-то выкопали, очевидно, благодаря фурорному заглавію, пьесу „Пылающая Москва“, написанную невозможными стихами. Афишировали „Бирона“, взяли за переводныя пьесы съ громкими названіями.

Пьесы эти не составляли основы репертуара,—въ общемъ онъ держался все-таки на достаточно хорошемъ уровнѣ,—но уже одно появленіе ихъ на сценѣ говорило не въ пользу этого антрепренеромъ направленія.

Художественная сторона спектаклей была въ забросѣ, декорации поражали убожествомъ и ветхостью.

Г. Корсиковъ-Андреевъ одновременно держалъ сцену всесловнаго клуба, на которой давалъ спектакли развѣ въ недѣлю. На клубскій театръ онъ совсѣмъ мало обращалъ вниманія и

оставилъ его за собой лишь для устранения конкуренціи.—Ранѣе прѣзжали малороссы и отнимали часть публики у городского театра.

Лучше шли у г. Корсикова утренники и общедоступные спектакли въ театрѣ, но и то лишь въ началѣ сезона.

Какъ видно изъ газетныхъ замѣтокъ, матеріальныя дѣла театра были не плохія: съ 12-го сентября по 8-е января валовой сборъ составлялъ 32,000 рублей. Тѣмъ не менѣе, вскорѣ послѣ новаго года въ тѣхъ же замѣткахъ появились тревожные симптомы.

Несмотря на то, что театръ сданъ былъ на три года, ставился вопросъ.

— Въ чьихъ рукахъ останется нижегородскій театръ на будущій сезонъ?

Г. Корсиковъ указывалъ на двѣ причины, могущія заставить его проститься съ Нижнимъ—на дороговизну аренды и на приглашеніе его въ режиссеры въ какой-то степе театрѣ.

Запахло крахомъ...

Займы, долги, постоянное витаніе въ области кредиторовъ—плохіе спутники всякаго дѣла, а театральнаго дѣла въ особенности.

Къ концу сезона публика охладѣла къ театру, сборы упали,—дѣло велось изъ рукъ вонъ плохо съ режиссерской стороны. Энергія у г. Корсикова пропала, онъ забросилъ сцену и махнулъ на все рукой...

И, наконецъ, 13-го февраля въ кассе театра явился судебный приставъ исполнительнымъ листомъ. Въ дѣло вступила полиція и произошелъ скандальный въ такихъ случаяхъ скандалъ.

Корсиковъ былъ устраненъ отъ антрепризы и театральное дѣло перешло въ руки артистовъ, которые обрадовались для продолженія спектаклей и займившее завѣдываніе театромъ особый комитетъ.

Труппа получила жалованіе по 1-е февраля, за остальное время до конца сезона ей предложили будущіе сборы. Но это оказалось не такимъ заманчивымъ, какъ было обѣщано.

Послѣдняя недѣля сезона дала въ общей сложности (вечерніе спектакли, утренники и клубъ) не менѣе 5000 р., но артистамъ пришлось

изъ этой суммы уплатить долги своего принципала—по исполнительнымъ листамъ, залогъ кассиршѣ, который г. Корсиковъ благополучно истратилъ на свои надобности и проч., всего до 1500 руб.

Пришлось прибѣгнуть къ разверсткѣ и за послѣднія три недѣли съ 1 по 20 февраля удовлетворить полнымъ рублемъ лишь артистовъ и служащихъ, получавшихъ самые малые оклады,—остальные въ числѣ 15-ти лицъ раздѣлили остатки и получили по 40 коп. на рубль.

Сезонъ окончился 20-го февраля полнымъ проваломъ антрепризы. Городъ долженъ быть благодаренъ артистамъ, благодаря которымъ театръ не закрылся ранѣе конца сезона—они выдержали на своихъ плечахъ послѣднія три злосчастныя недѣли.

Распадъ антрепризы получился безповоротный.

На другой же день по закрытіи театра г-жа Азогарова подала въ городскую управу слезницу, въ которой просила освободить ее отъ службы въ будущемъ зимнемъ сезонѣ: по контракту съ городомъ, она обязана была служить въ Н.-Новгородѣ три года.

Она была полубольная, съ разбитыми нервами—нижегородскій сезонъ съ его потрясеніями очень повліялъ на ея здоровье.

Труппа подала просьбу въ городскую управу о выдачѣ хотя бы 1000 рублей.

— Дайте намъ, артистамъ,—писали они управѣ,—возможность сохранить доброе воспоминаніе о сценической службѣ въ Нижнемъ.

За полученіемъ этой 1000 рублей г. Корсиковъ остался бы долженъ артистамъ 882 руб.

У неудачнаго антрепренера хранился залогъ въ городской управѣ 3000 руб., но увы! на $\frac{2}{3}$ этой суммы уже наложенъ былъ арестъ судебнымъ приставомъ. Оставалась одна тысяча—и ее управа рѣшила выдать артистамъ, прибавивъ еще 500 руб. изъ полученныхъ съ г. Корсикова въ теченіе сезона процентныхъ отчисленій.

Благодаря этой помощи артисты выведены были изъ печальнаго положенія и—имѣли возможность выѣхать изъ города“.

Такова превратность судебъ нижегородскаго театра!

Въ виду отказа г-жи Азогаровой продолжать службу, управа рѣшила порвать съ г. Корсиковымъ контрактъ и отпустить его съ миромъ.

И онъ простился съ Нижнимъ, выдавъ на память артистамъ... векселя: г-жѣ Азогаровой на 165 руб., Бѣляеву 45 руб., Кундаловой 30 руб., Лидиной 56 р., Ланиной 28 р., Марченко и Нерадовскому по такой же суммѣ, Петросьянъ 70 р., Петрову-Краевскому 94 руб., Разсудову и Смирнову по 50 р., Семашко и Тереховой по 70 р. и Сверчкову 35 рублей.

Уѣзжая, онъ напечаталъ въ газетахъ письмо—отчетъ о неудачной антрепризѣ.

Вотъ цифры.

Валовой сборъ по театру за 111 спектаклей 39.530 руб., за 21 спектакль въ клубѣ 3.637 руб., всего сбора за сезонъ 43.167 руб.

Расходъ—по театру 52.701 руб. и по клубу 2.597 руб.

Дефицитъ—12.130 руб.

На справедливые упреки въ поверхностномъ отношеніи къ дѣлу, г. Корсиковъ писалъ:

— Упреки я считаю неправильными, по мѣрѣ силъ велъ дѣло добросовѣстно и немоя вина, что я не встрѣтилъ серьезной общественной поддержки въ развитіи моего дѣла.

Какой ему поддержки нужно было, осталось тайной, которую онъ унесъ съ собой вмѣстѣ съ долгами...

Въ опубликованномъ отчетѣ поражаетъ грандіозностью сумма расходовъ—55 т. рублей. Что-нибудь одно: или цифра не вѣрна, или деньги расходовались безъ всякой системы и счета.

Городъ снова остался безъ антрепренера. Говорили, что Корсиковъ передавалъ театръ артисту своей труппы г. Бѣляеву, но крахъ до того ошеломилъ артистовъ, что они поспѣшили уѣхать изъ города, бросивъ переговоры.

Слухъ о распадѣ антрепризы проникъ въ театральныя сферы. Въ городскую управу снова стали поступать телеграммы о желаніи снять нижегородскій театръ.

Претендентами являлись—г. Левицкій, артистъ Императорскихъ театровъ, рекомендованный театральнымъ

бюро Разсохиной; г-жа Иванова изъ Ковно, Е. А. Бѣляевъ, артистъ герсиковской труппы и К. Н. Незлобинъ, антрепренеръ виленаго театра. Къ послѣднему склонились симпатіи городского управленія.

Предприниматель ставилъ условіемъ аренды—а) плату городу 8000 руб. въ годъ, б) электрическое освѣщеніе за свой счетъ, в) обязательство поставить новый занавѣсъ и ежегодно давать новыхъ декораций на 1500 руб. и г) буфетъ и вѣшалки въ пользу антрепренера.

Въ обезпеченіе исправности содержанія театра Незлобинъ обѣщалъ городу,—видимо подъ вліяніемъ корсиковскаго краха,—залогъ въ десять тысячъ рублей.

Дума въ засѣданіи 2-го марта приняла всѣ эти предложенія и нижегородскій театръ перешелъ къ меценату-антрепренеру К. Н. Незлобину.

Небезынтересно отмѣтить, что при обсужденіи театральнаго вопроса въ думѣ П. П. Цвѣтковъ внесъ предложеніе, чтобы управа, совмѣстно съ преподавателями среднихъ учебныхъ заведеній, участвовала въ составленіи репертуара, съ цѣлью постановки спектаклей съ образовательнымъ значеніемъ для учащихся.

— Отъ этого антрепренеръ не откажется, авторитетно заявилъ городской голова.

Ничего изъ этого не вышло. Произнесенныя съ самоувѣренностью слова остались пустымъ звукомъ.

Чтобы закончить краткій обзоръ сезона 1899—1900 г. необходимо отмѣтить сдѣланную въ это время попытку постановки народныхъ спектаклей.

Мѣстомъ для нихъ былъ избранъ всесословный клубъ. Инициатива исходила отъ мѣстнаго драматическаго кружка, который своими средствами поставилъ два спектакля въ январѣ мѣсяцѣ.

Идея нашла благодарную почву. Первый спектакль собралъ до 1000 зрителей, въ томъ числѣ было много рабочихъ и золоторотцевъ.

Въ программу второго спектакля включили одну картину изъ оперы „Евгеній Онѣгинъ“ и „Майоршу“. Къ сожалѣнію, это былъ послѣдній спектакль.

Управленіе клуба заявило, что оно не можетъ сдавать свою сцену для на-

родныхъ спектаклей драматическаго кружка... Оказалось, что г. Корсиковъ устроилъ монополию,—клубъ былъ сданъ ему, безъ права допускать какіе-либо другіе спектакли.

Пришлось покориться—и прекратить спектакли.

Управленіе клуба было (чѣнь безпокоено, какъ бы сбрая публика не испортила его диваны и передъ послѣднимъ спектаклемъ расхридалось убрать всю мебель съ хоръ.

Распорядители пришли въ ужасъ: нумерованныя мѣста всѣ проданы, но въ дѣйствительности, нумерацію приходилось дѣлать на полу. Кое-гдѣ набрали мебели и натаскали ее на хоры...

Миссія по устройству народныхъ спектаклей кончилась.

Попробовалъ послѣ этого поставить народный спектакль въ клубѣ г. Корсиковъ съ труппой театра, но народъ уже не пошелъ—залъ былъ почти пустъ.

Г. Корсиковъ согласно условію долженъ былъ дать въ постѣ 1900 г. оперу. Говорилось, что онъ привезетъ Императорскую оперную труппу, но она попросила гарантіи въ 10,000 р. и, конечно, не получила и не поѣхала.

Приглашали итальянскую оперу, но также неудачно.

Выручилъ М. М. Бородай, пріѣхавшій съ своей казанской оперой на Пасхѣ. Поставлено было 16 спектаклей, давшихъ въ среднемъ по 550 руб. въ вечеръ.

Еще маленькая подробность о зимнемъ сезонѣ 1899—1900 г.

Артистомъ труппы г. Разсудовымъ организованъ былъ товарищескій кружокъ „Досуги сезона“.

Товарищи актеры собирались за просто въ свободные вечера, читали новыя пьесы, вели разговоръ по поводу театральныя новинокъ и т. д.

Даже положили починъ рукописному журналу: вышло, кажется, 2 или 3 номера.

Товарищескіе вечера очень привились, но, какъ и многое хорошее, скоро завяли: разѣхалась труппа, кончился сезонъ и не стало болѣе „досуговъ“.

(Продолженіе будетъ).

Театраль.